

О.В. Никитин

«ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА» Ф.И. БУСЛАЕВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ЕГО ВРЕМЕНИ (к 200-летию со дня рождения ученого)

Первая историческая грамматика русского языка (1858) Ф.И. Буслаева анализируется в контексте общелингвистической традиции и лингвистических дискуссий середины XIX в. Введены редкие факты и новые архивные материалы полемикального характера. Делается вывод о том, что благодаря деятельности Ф.И. Буслаева компаративистика в России стала одним из инструментов филологического просвещения. Решается задача популяризации достижений русских лингвистов и актуализации их идей в современном образовательном пространстве.

Ключевые слова: история и методология лингвистики; филологическая традиция; становление компаративистики в России; философия языка; историческая грамматика.

Есть ученые и книги с необычной судьбой, жизнь которых не заканчивается быстро, а длится без счета времени и его приоритетов. К таким величинам в филологической культуре России можно отнести Ф.И. Буслаева (1818–1897) и его учебник по исторической грамматике – первый полный авторитетный свод правил и «этимологических» (в старой терминологии) законов русского языка. До него в отечественной традиции были отдельные удачные попытки описания исторических фактов в духе компаративистики (см., например: [1–3] и др.), но они не нашли широкого применения в практической работе и не выросли до глубоких исследований. Зависимость, во-первых, от культурно-эстетических вкусов в науке конца XVIII – начала XIX в., во-вторых, от авторитетов в лице М.В. Ломоносова, А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина и академической грамматики 1802 г., в-третьих, от так называемых универсальных описаний языка в духе философов-логиков – не позволяла предшественникам Ф.И. Буслаева в России сформулировать четкий взгляд на историю языка как научную проблему. Он сочувственно замечал: «В течение столетий грамматика была верным отголоском схоластики, поместившей ее в число семи свободных искусств...» [4. Ч. I. С. XII].

В ученой среде не существовало общих воззрений на «самую живую часть педагогики – отечественное языкознание» [5. С. 237], как выразился один из рецензентов «Опыта исторической грамматики русского языка» (далее – «Опыт»). Ф.И. Буслаев был вовлечен в эту полемику с ранних лет. Сейчас почти забыт интересный факт из его биографии, свидетельствующий о том, что к избранному славяно-русскому направлению и в целом к компаративистике он шел сознательно даже в юные годы, когда под влиянием лекций М.П. Погодина, С.П. Шевырева, Н.И. Надеждина начинало проникать иное культурное течение в университетскую среду. В 1834–1836 гг. во время учебы в Императорском Московском университете он перевел с немецкого языка «Основания общей грамматики» Сильвестра де Саси, сопроводив их личными наблюдениями над русским языком (см.: [ОР РГБ. Ф. 42. Картон 1. № 1. Л. 2 об., 35 об. – 36, 40, 48 об. и др.]). Это был первый научный опыт Ф.И. Буслаева, который при всей тщательности исполнения так и остался

неизвестным ученой публике (перевод не был опубликован).

Далее с небольшими перерывами последовали журнальные статьи и рецензии Ф.И. Буслаева, где уже были четко обозначены его методические и лингвистические взгляды и предпочтения (см., например, отклик на «Сравнение русских слов с санскритскими» А.С. Хомякова [6]¹, объемный разбор книги Г.П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка» [8], отзывы на работу К.С. Аксакова «О русских глаголах» [9]² и учебник Н.И. Греча «Практическая грамматика русского языка» [11]³ и т.д. Об исследовании Г.П. Павского, в частности, он весьма откровенно писал В.И. Григоровичу 15 января 1852 г.: «Отделал его как следует: досадно, что надобно было взять довольно резкий тон, потому что большая часть его Наблюдений – такой вздор, о котором не стоило бы и говорить. Но что делать? Он пользуется даже в гимназиях большою популярностью, и можете представить себе, сколько приносит вреда» [ОР РГБ. Ф. 86. Картон 4. № 28. Л. 1 об.]⁴.

Несмотря на то что общественное мнение уже в 1820–1840-х гг. было подготовлено к пересмотру позиций в сторону компаративистики, ни в гимназической, ни в университетской практике не уделялось должного внимания *систематическому* обучению в духе нового сравнительно-исторического языкознания. Пользовались в основном «Практической русской грамматикой» Н.И. Греча (1827) и другими его пособиями, «Русской грамматикой» А.Х. Востокова (1831), трудами Н.Ф. Кошанского, И.И. Давыдова, которые были учредителями правил обучения родному языку и лишь изредка выходили их пределы. Например, И.И. Давыдов в начальных строках своего сочинения «Общесравнительная грамматика русского языка» высказал нехарактерное для него суждение о «даре слова» и богатстве народной речи (цит. по изд.: [13. С. I–II]⁵). А лингвист-консерватор Н.И. Греч вдруг мелко обмолвился о «чувственных предметах» (цит. по изд.: [14. С. 24]). Это «условное понятие о языке», как писал Ф.И. Буслаев, не давало возможности раскрыть его духовные свойства: раньше «думали, что нет в языке ни одной грамматической формы, которая была бы обязана своим происхождением не случаю, а внутренней потребности человека»

[4. Ч. I. С. XIII]. Были только слабые шаги в сторону филологии духа. А.А. Шахматов справедливо писал об этом времени: «Но исторической грамматики Востоков не оставил: он приготовил лишь материалы, которыми воспользовался Буслаев» [15. С. 8]⁶. Впрочем, в публичных лекциях, не связанных учебными обязательствами, популяризация истории языка и народной культуры имела успех даже в выступлениях традиционалистов вроде Н.И. Греча, на которые приходили не только ученики гимназий, но и высокие чины (см. подробнее: [16]).

Прогрессивные педагоги, понимавшие смысл историко-лингвистических занятий, не решались вступать в спор с установщиками «полицейских правил» в грамматике и очень осторожно вводили новые элементы в обучение. Так, П.М. Перевлесский в 1842 г. опубликовал «Практический синтаксис сложного предложения и *стихосложение* (курсив наш. – О.Н.)» [17], посвятив его И.И. Давыдову. Написанный на основе немецкой методики учебник он дополнил разделом, который ранее не учитывался в трудах языковедов. Позднее тот же автор выпустил «Граматику старославянского языка» [18] и в пересмотренном виде – «Славянскую грамматику с изборником» (см. изд.: [19]). В последней работе он совместил историю языка и его «этимологию» с хрестоматией памятников древнего периода, очевидно, не без влияния Ф.И. Буслаева⁷.

К середине XIX в. компаративистика медленно, но уверенно проникала в академические курсы, меняя отношение просвещенного общества к новой атмосфере в гуманитарных науках и к *системе* образования в целом⁸. Но еще несколько десятилетий амбиции консерваторов и их стереотипы мешали этому. Показательна в данном ключе фраза Ф.И. Буслаева из его «Предисловия» к «Опыту»: «Как классицизм французской теории вкуса осудил Шекспира в грубости и невежестве, так и готшедовская грамматика, знакомая только с искусственной фразой, видела в языке старинных литературных памятников и в народной речи жалкий лепет младенца, недостойный серьезного изучения» [4. Ч. I. С. XII].

Поколение ученых, к которому принадлежал Ф.И. Буслаев: И.И. Срезневский, В.И. Григорович, П.И. Прейс, П.С. Билярский и др., взвалило на свои плечи очень непростую задачу – утверждение *исторического* принципа в филологических исследованиях и становление славистики как учебной и научной дисциплины.

Известно, что начальные эксперименты по компаративистике Ф.И. Буслаев провел в книге «О преподавании отечественного языка» [22] и в магистерской диссертации «О влиянии христианства на славянский язык...» [20]. В первой работе он еще оттачивал свой метод, применяя его в сугубо педагогических целях и доказывая верность того пути, на который он встал еще в студенческие годы [23]. Второй труд выдвинул Ф.И. Буслаева в число передовых компаративистов XIX в.: он овладел методами этой науки, тщательно изучил древний корнеслов, проник в дух слова языческих и христианских традиций, отраженных в тексте Остромирова евангелия. Между прочим, Ф.И. Буслаев

показал себя здесь не только знатоком древних и новых языков, но и в некотором смысле провидцем: в эпоху логических воззрений на слово, интереса к его практической, грамматической стороне он применил другой подход к анализу древних текстов. То, что мы сейчас называем когнитивной лингвистикой и концептологией, впервые было обозначено в этом исследовании [24]. Подобно своим кумирам В. фон Гумбольдту, Я. Гримму и отчасти А.Х. Востокову, ученый шел от «поэзии» старинного предания, заключенного в слове, к смыслу, находил его связи во всем пространстве литературы – устной и письменной. Недаром большое место в этой работе занимает проблема изучения «юридического и семейного быта» древних народов.

От магистерской диссертации Ф.И. Буслаева до издания «Опыта» прошло еще десять лет упорной работы с рукописями, увлечения народным эпосом и искусством. Так он постепенно готовил программу изучения новой историко-лингвистической науки и впоследствии применил ее к анализу грамматического строя русского языка.

Не случайно «Опыт» Ф.И. Буслаева предназначался для «военно-учебных заведений». В 1852 г. его пригласили вместе с известным специалистом и автором пособий по русской литературе А.Д. Галаховым «в комиссию, обсуждавшую реформу преподавания русского языка и словесности в этих училищах с целью поднять уровень образованности военного сословия» [25. С. 37]. Ф.И. Буслаев принял за такую работу со всей ответственностью. В письме В.И. Григоровичу от 15 января 1852 г. он сообщал: «...я чувствовал себя в страшной пытке, когда, изготовив 1-ю часть русской грамматики, сравнительно со словенскую (так в тексте. – О.Н.), я почувствовал живо, сколько еще нужно приуготовить... работ для того, чтобы составить учебник на основании современных требований науки...» [ОР РГБ. Ф. 86. Картон 4. № 28. Л. 6]. Вторая часть книги – синтаксис – давалась Ф.И. Буслаеву легче, «хотя и приходилось почти на каждом шагу прорубать *новый* (курсив наш. – О.Н.) путь в темном лесу страшной груды выписок...» [Там же]. Заметим, что одновременно Ф.И. Буслаев работал над фундаментальной «Хрестоматией церковнославянского и древнерусского языков» [26].

Об истории создания и обсуждения книги сохранились любопытные воспоминания Ф.И. Буслаева, который при посредничестве графа С.Г. Строганова был приглашен начальником Главного штаба военно-учебных заведений Я.И. Ростовцевым «участвовать... в исполнении задуманного им плана улучшить обучение в военно-учебных заведениях» [27. С. 326]. Реализацией этого поручения занимался вместе с Ф.И. Буслаевым также А.Д. Галахов: первый готовил «обширную грамматику... и большую хрестоматию» (см. подробнее: [28]), а другому было поручено составить «подробную программу обучения русскому и церковнославянскому языкам, теории словесности и истории литературы...» [27. С. 326]. «Всякий раз, как Ростовцев приезжал в Москву, – вспоминал Ф.И. Буслаев, – непременно вызывал нас обоих к себе... и тогда мы должны были сообщать ему, что каждый из

нас успевал сделать в предпринятых нами по его заказу работах. Таким образом, Я.И. Ростовцев вместе с Галаховым прежде всех других довольно основательно и подробно ознакомились с моею пространной грамматикою» [27. С. 327].

Перед утверждением и изданием «Опыта» Ф.И. Буслаеву предстояло пройти еще одно испытание чести – публичный диспут «перед судом многочисленного собрания», куда входили не только преподаватели и сотрудники военного ведомства, но «первое место занимали оба знаменитые автора общепринятых руководств русской грамматики» – А.Х. Востоков и Н.И. Греч [Там же]⁹. Кульминацией этого обсуждения была описанная Ф.И. Буслаевым реакция этих ученых [29], которой и завершился диспут: «Как учитель элементарной грамматики я был не хуже других в этом собрании, но как автор научного руководства для преподавателей я мог иметь соперником только такого специалиста, каким был Востоков. Н.И. Греч долгое время не принимал ни малейшего участия в диспуте и только изредка повертывался направо и налево к своим соседям и что-то сообщал им, размахивая руками: видимо, он кипятился; а когда я вежливо и сдержанно стал отклонять от себя озлобленные придирки его клиентов и почитателей, он вспылал, вышел из себя и наговорил мне разных дерзостей. После него никто уже не возражал. Тогда наступила очередь Востокова: он вполне одобрил мою грамматику, а встреченные им немногие ошибки и недосмотры отметил на полулисте и передал его мне для исправления замеченных им погрешностей». Таким образом, «патриарх русской науки о языке» [30. С. 96], как назвал его К. Войнаховский, поддержал Ф.И. Буслаева и открыл ему путь в будущее.

Главный посыл, который сообщал автор читателям на первых же страницах «Опыта», заключался в том, что предшествующая традиция подготовки учебников

по русскому языку опиралась исключительно на *филологический* принцип. Именно он использовался «в руководствах к изучению языков классических» [4. Ч. I. С. I], где описывался «образцовый язык», тогда как *разговорный*, «не возделанный искусством», оставался за пределами внимания ученых [Там же. С. II]. Другой недостаток такого подхода, по мнению Ф.И. Буслаева, состоял в том, что «филологическая грамматика» «не знает *законов* (курсив автора. – О.Н.) языка, которыми объясняются происхождение, существо и видоизменения грамматической формы» [Там же]. При этом он не отрицал и практических достоинств, главное из них – «учить правильно говорить и писать на каком-либо языке» [Там же]. Ф.И. Буслаев ставил себе иную задачу: обратить внимание на живое слово «в его видоизменениях исторических и местных» [Там же. С. V]. В противовес прежним руководствам, которые «трудно усваиваются и легко выходят из памяти», ученый предлагал в новой грамматике строго различать «принятое обычаем от того, что основано на внутренних законах языка» [Там же. С. VI].

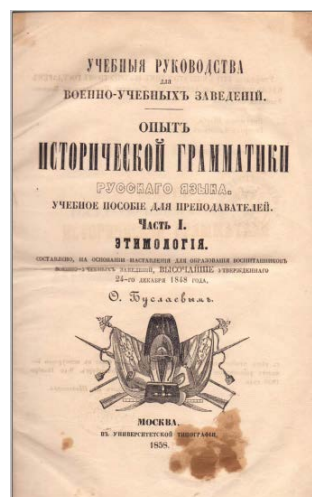
Лингвистический способ анализа языковых явлений, к которому прибег Ф.И. Буслаев, рассматривал язык «как самостоятельный предмет изучения» [Там же. С. XIV]. Вспомним здесь высказывание академика Ф.Ф. Фортунатова, ученика Федора Ивановича, который подхватил эту идею и сделал ее главной движущей силой своего направления: «Лингвистические задачи следует решать *лингвистическими* (курсив наш. – О.Н.) методами» (цит. по изд.: [31. С. 166]). А основным объектом изучения в языкознании, по мысли того же Ф.Ф. Фортунатова, должен быть «вообще человеческий язык в его истории» [Там же]. Отсюда и областное наречие, грубое и недостойное изучения, как считали раньше, «есть уже благородное произведение духовной природы» [4. Ч. I. С. XIV].

Федор Иванович Буслаев. Фото 1865 г.

В «Предисловии» к «Опыту» особенно заметен сравнительно-исторический «романтизм» Ф.И. Буслаева, навеянный в том числе идеями немецких филологов. Его высказывания вроде «живой организм», «естественное выражение дара слова», язык «как яв-

ление природы», сравнение лингвистики с естествознанием свидетельствуют о вполне прогрессивных взглядах ученого и его компетентности в ведущих разработках западных философов и лингвистов В. фон Гумбольдта, Я. Гримма, Ф. Боппа, А. Шлейхе-

Титульный лист первого издания «Опыта исторической грамматики русского языка» (1858) Ф.И. Буслаева

ра и других¹⁰. Особые симпатии питал Ф.И. Буслаев и к К. Беккеру. Его книгу «Организм языка» он упомянул в «Опыте», подчеркнув, что она «обаятельно подействовала на многих педагогов как новостью содержащихся в ней результатов сравнительно-исторической грамматики, так и стройною системою в изложении предмета...» [4. Ч. I. С. XVI]. Именно этот образец Ф.И. Буслаев использовал при написании синтаксического раздела своего учебника, хотя и критиковал К. Беккера за желание «оправдать язык логически» [Там же. С. XVII]. Тем не менее автор «Опыта» констатировал, что стройной, законченной философской системы у К. Беккера не получилось, а главный его недостаток, по мнению Ф.И. Буслаева, состоял в том, что он не установил границы между логикой и грамматикой и «не имел достаточного запаса исторических сведений о языках», а потому «нечувствительно сошел с прямого пути в развитии общих понятий о языке», т.е. отошел от гумбольдтовского взгляда и «принял ложное направление старинных, так называемых *общих грамматик*...» [Там же. С. XVI–XVII].

Собственные наблюдения и размышления Ф.И. Буслаева о народной словесности, ее «испорченных» формах и образцовой книжности, а также попытка разгадать исторические законы языка привели его к пониманию того, что инструментарий сравнительно-исторической науки способен проникнуть и в анализ грамматических форм классических языков [Там же. С. XVIII]. Значит, ее метод универсален: с его помощью можно решить вопрос «о внутреннем построении языка» [Там же]. Преимущество такого подхода он видел не в философском, как у предшественного поколения лингвистов, а в культурно-историческом смысле: через факты, извлеченные из древних текстов разных жанров и их сравнение с родственными языками, можно проследить закономерность развития уровней языка как *системы* в целом. Замечательны слова ученого, прозревавшего будущее филологической традиции: «Эта наука рассматривает слово уже не только как средство для взаимного сообщения мыслей, но и как живой памятник духовного бытия народов, и притом памятник древнейший, которого история может быть постановлена во главе истории умственного развития человечества» [Там же]. Ф.И. Буслаев как подлинный гуманист здесь выразил и свою лингвистическую мечту: для него летопись языка была прежде всего историей развития общественной мысли, ее духовным камертоном, неотделимым от самой материи знака – текста – образа.

Ф.И. Буслаев сформулировал свою концепцию построения исторической грамматики русского языка. Он изложил ее в нескольких положениях, вызвавших бурную полемику в филологическом сообществе того времени.

Первый тезис заключался в том, что «историческая грамматика ведет изучение этого языка в непрерывной связи с изучением церковнославянского» [Там же. С. XIX], т.е. книжного. Здесь, как полагал ученый, удачно применим новый метод – сравнивать формы русского языка «с формами одного из славянских наречий», в котором сохранились «первоначаль-

ные свойства славянского языка» [4. Ч. I. С. XIX]. С его помощью можно объяснить и синтаксические формы книжной речи. Ф.И. Буслаев учитывал и педагогическую задачу: церковнославянский язык «скрепляет теснейшими узами живую связь нашей родной речи с языком Церкви» [Там же].

Это положение как отправной пункт исследования грамматических основ языка не вызвало возражения у современников Ф.И. Буслаева. Правда, использование только «одного из славянских наречий» (в терминологии ученого) и тогда уже казалось недостаточным, особенно после «Мыслей об истории русского языка» И.И. Срезневского – речи, произнесенной на акте Императорского Санкт-Петербургского университета в 1849 г., т.е. почти за десять лет до издания «Опыта». В ней была намечена *программа* исторического изучения славянских языков «в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном» (цит. по изд.: [21. С. 80]). Ф.И. Буслаев, можно сказать, взялся за реализацию одной из задач. В практическом отношении он ограничился в основном сопутствующими ссылками на данные славянских языков и не ввел этот принцип в число ведущих инструментов описания истории грамматического строя родного языка¹¹. Упомянувшийся им в «Опыте» О.М. Бодянский, один из первопроходцев славяно-русской филологии, немало содействовал тому, чтобы повысить научность этой стороны учебника Ф.И. Буслаева. Но все же, как признавался сам ученый, он опирался во многом на сочинения «лучших лингвистов нашего времени» В. фон Гумбольдта, Я. Гримма, Ф. Дица [4. Ч. I. С. XXXI], не учитывавших в данные восточнославянских языков как неотъемлемые элементы истории и теории компаративистики.

Один из критиков замечал сразу же по выходе в свет этой книги «Опыта»: «Если бы г. Буслаев последовал плану, предложенному г. Срезневским относительно разделения истории языка на периоды, и представил бы в общих чертах характеристику каждого, то сочинение его вышло бы[,] вероятно[,] занимательнее и целесообразнее. В таком периодическом подразделении всего более нуждается язык книжный» [5. С. 249]. Этого же мнения придерживался и В. Водовозов: «Славянские наречия отнесены автором на *третьестепенное* (курсив наш. – О.Н.) место, тогда как по своему живому употреблению они во многих случаях имеют еще более значения, чем язык церковнославянский» [12. С. 51]. Кстати, известный славист М.А. Максимович в 1839 г. опубликовал исследование об истории русской словесности древнего периода, где уделил большое внимание «народному русскому языку», его отношениям с западнославянскими и «иноплеменными» языками и т.д. [2]¹². Ф.И. Буслаев же в основном строил историческую грамматику на анализе фактов *древних* языков.

А.А. Шахматов также подмечал определенную двойственность историко-грамматической концепции: с одной стороны, писал он, Ф.И. Буслаев ввел «изучение русского языка в круг сравнительного индоевропейского языковедения, с другой, недостаточно определив его ближайшее отношение к языкам *славян-*

ским, лишил свой труд тех главных исторических основ, на которые он должен был опираться» [15. С. 14].

И в описательном направлении у Ф.И. Буслаева критики отмечали погрешности. Так, имея в виду его «учение о словодвижении», А.Н. Майков замечал, что даже «церковнославянский язык вошел сюда для одного наглядного сравнения: образцы склонения взяты только из него; русских нет» [34. С. 52]. А исследователь творчества Ф.И. Буслаева известный педагог К.К. Войнаховский писал так: «Церковнославянский язык занимает в “Исторической грамматике русского языка” первое место, но источники изучения его составляли, в большинстве, собрания или описания рукописей, а не ученая разработка этого языка» [30. С. 90].

Вообще надо заметить, что в потоке разноречивых откликов не только на учебник, но и на самого Ф.И. Буслаева были настолько разные мнения: от восторженных до уничтожающих, – что говорило о культурной незрелости просвещенного общества и показывало многие его духовные противоречия (см. обзор некоторых отзывов: [35]). Одни, как мы уже говорили, критиковали Ф.И. Буслаева за непоследовательность сравнительно-исторической «методы», другие, напротив, – желали видеть больше «философии» (т.е. в понимании ученых того времени теории семантики). Приведем для примера и такую точку зрения, принадлежавшую рецензенту «Опыта» М. де Пуле: «Стоя на исторической почве, автор не мог увлечься философскими идеями, а между тем очень бы не мешало, например, представить более догматическое изложение о значении флексий и об отношении их к служебным частям, о значении местоимений, числительных, предлогов и союзов (курсив подлинника. – О.Н.)» [5. С. 249].

Второй тезис Ф.И. Буслаева содержал обновленное мнение о «книжном языке», под которым историческая грамматика разумела уже «не только слог высокий..., но и речь разговорную, в сочинениях содержания повествовательного, драматического и т.п.» [4. Ч. I. С. XX]. А значит, поэзия и проза, рассуждал Ф.И. Буслаев, «должна иметь свое разумное основание в законах языка» [Там же. С. XXI].

Третий тезис во многом показывал оригинальность и смелость подхода ученого к описанию системы русского языка: «Все свои выводы историческая грамматика основывает на авторитете не только письменных, но и устных памятников языка, подчиняя личное суждение грамматиста свидетельству фактов» [Там же]. Значит, не абстрактное утверждение, не выдуманное правило, подгоняемое под схему «логики» языка, должен рассматривать лингвист, а опираться на те реальные условия, в которых тот живет и развивается. Здесь мы тоже видим очевидную связь с будущими положениями Московской лингвистической школы, сформулированными Ф.Ф. Фортунатовым и его учениками.

Ф.И. Буслаеву было важно понять, какое место занимала народная словесность «в образовании языка книжного» [Там же. С. XXII]. И для этого он поставил задачу исследовать язык не только образцовых писателей, а вообще «всех лучших авторов, начиная от

Ломоносова и до Пушкина включительно» [4. Ч. I. С. XXI]. В перечень таких источников вошли бы и некоторые стихотворения Державина, и комедии Фонвизина, и басни Крылова, и сочинения Грибоедова. Интересно, что Гоголя Ф.И. Буслаев обошел вниманием¹³.

Практическую грамматику до Ф.И. Буслаева, как мы упомянули ранее, не интересовала бытовая сторона языка: народная, несветская словесность отвергалась ею и не использовалась в теоретических рассуждениях лингвистов. Ф.И. Буслаев, напротив, открыто заявил об этом в учебном труде, ведь «неправильности» в языке – это тоже документальные факты развития его грамматического строя.

Четвертый тезис касался строения форм языка: «Историческая грамматика вменяет себе в обязанность положить в основу изучения подробный этимологический разбор форм языка для того, чтобы из этого разбора извлечь грамматические законы, понятные и убедительные в теоретическом отношении и вместе с тем применительные на практике» [4. Ч. I. С. XXIV]. При этом Ф.И. Буслаев отошел от имевшейся в то время традиции и отделил этимологию от синтаксиса. В первый раздел он внес «учение о правописании, основанное на исторических данных» [Там же. С. XXX], и исключил анализ орфографии, который намеревался рассмотреть в «исторической этимологии». В оценке спорных вопросов у рецензентов порой звучали критические нотки. Так, например, М. де Пуле писал в «Современнике»: «Зачем зашли в историческую грамматику правила о постановке знаков препинания и прописных букв, предписывающие даже слова *господин* и *госпожа* перед собственным именем писать большою буквою, напр. не г. Буслаев, а Г. Буслаев...» [5. С. 248].

Во второй раздел – «Синтаксис», – по мысли Ф.И. Буслаева, – должна войти «историческая часть словосочинения, состоящая в подробном синтаксическом разборе не только предложений, но и отдельных грамматических форм, каковы: залоги, виды, времена и проч.» [4. Ч. I. С. XXXI]. Еще одно нововведение состояло в том, что Ф.И. Буслаев предложил «общие основания для изучения отечественного языка сравнительно с иностранными, и преимущественно с новейшими, в отношении синтаксическом» [Там же].

И, наконец, пятый тезис Ф.И. Буслаева выражает компромиссную идею – «соединить оба способа изучения языков, т.е. филологический и лингвистический» [Там же. С. XXVII]. Далее он уточнял: «...старинной практической грамматики она следует способу филологическому, в подробном и тщательном изучении образцовых писателей... С другой стороны, основываясь на законах языка, открытых сравнительно-историческою лингвистикою, она расширяет область филологической грамматики отчетливым исследованием форм языка, на основании исторического их развития» [Там же]. Этим он хотел упростить учебные задачи и найти путь к разработке теории исторической грамматики русского языка, сделав ее доступной и понятной ученикам. В решении этой проблемы он балансировал между историческим и описательным языкознанием. Первое у него присут-

ствовало во вводной части и в комментариях к разбору примеров и явлений. А второе в силу учебных задач во многом опиралось на логико-грамматические принципы практических грамматик. Он попытался соединить или, лучше сказать, примирить два разных подхода, но сделать это в русле *исторической* концепции было практически невозможно. Потому, на наш взгляд, более корректным, четко выстроенным и структурированным у него получилась вторая часть – синтаксис, который описан как раз именно с формально-грамматических позиций¹⁴. Один из критиков ученого по этому поводу сочувственно замечал в 1858 г.: «...г. Буслаеву первому принадлежит честь создания русского и церковно-славянского синтаксиса» [10. С. 16]. И в этом смысле *исторический* синтаксис Ф.И. Буслаева более концептуален, несмотря на другие методологические просчеты.

Показательно мнение А.А. Шахматова, который в итоге положительно отозвался об «Опыте»: «...оторвав русский язык от почвы общего языкознания, не перенеся его на почву ближайшего сравнения с другими славянскими языками, Буслаев во многих отделах грамматики оставил целый ряд явлений без исторического освещения. И вместо того, чтобы дать историю русского языка, он оставил нам школьную грамматику, *дополненную историческим материалом* (здесь и далее курсив наш. – О.Н.). Но тем не менее многие части этой Грамматики остаются до сих пор незаменными. Говорю в особенности об *историческом синтаксисе*, в котором обилие материала, замечательное понимание духа языка, ясность изложения – в значительной степени искупают все его недостатки» [15. С. 15].

Современники, анализируя труд Ф.И. Буслаева, оценивали и педагогический смысл этой работы, которая при таком внушительном объеме была сложна для учащихся и потребовала бы дополнительных научно-методических разъяснений. «...какое назначение хотел автор дать своей книге?» – восклицал А.Н. Майков [36. С. 23] в рецензии на «Опыт». Он полагал, что она более подходила бы самим преподавателям [Там же. С. 27–28]. Такое же двоякое назначение предписывал своему труду и сам Ф.И. Буслаев: для учащихся – это пособие, а для учащихся – «справочная книга» [4. Ч. I. С. XXIX]. Другой оппонент Ф.И. Буслаева В. Водовозов выразился более доброжелательно: «Мы смело можем сказать, что преподаватели русского языка до сих пор еще не имели такого прекрасного пособия» [12. С. 48]¹⁵.

Но даже при очевидных недосмотрах и ошибках Ф.И. Буслаева (самая подробная рецензия на «Опыт» принадлежала К.С. Аксакову (см. изд.: [37]), вызванных главным образом недостаточной теоретической разработкой предмета его научного интереса и противоречивыми воззрениями самих деятелей науки, почти все критики в той или иной мере говорили об уникальности этого явления в отечественной лингвистической традиции середины XIX в. Авторитетный журнал «Современнике» в рецензии на «Опыт» высказался весьма эмоционально: «Нельзя не удивляться богатству источников, которыми пользовался г. Буслаев для своего труда, нельзя не изумляться терпе-

нию, с которым почтенный профессор собирал в этом множестве источников такие факты, которые легко могли ускользнуть от менее пытливого внимания. Для истории форм (грамматических) почти нечего делать теперь после г. Буслаева» [5. С. 246]. Он же назвал Ф.И. Буслаева *единственным историком языка, превосходящим в этом отношении и г. Срезневского* [Там же. С. 241].

Ф.И. Буслаев смог систематизировать и описать грамматические свойства родного языка в широкой историко-культурной панораме не только «образцовых», но и бытовых, деловых, народных текстов. С точки зрения источниковедческого состава «Опыт» Ф.И. Буслаева превзошел все имевшиеся исследования вплоть до начала XX в. и во многом подтолкнул ученых к прорыву в этой отрасли языкознания. Можно согласиться с В.В. Ивановым в том, что «концепция Буслаева, изложенная в “Опыте исторической грамматики русского языка” <...>, долгое время сохранялась в преподавании этой науки» [38. С. 32].

Небезынтересно обратиться к обзору перечня рекомендованных Ф.И. Буслаевым пособий по сравнительно-исторической грамматике, в числе которых на первом месте стояли труды В. фон Гумбольдта. Его философские взгляды были осмыслены при написании «Опыта» [39. С. 110]. Далее помещены классическая «Сравнительная грамматика» Ф. Боппа и его «Глоссарий», «Немецкая грамматика»¹⁶, «История немецкого языка», а также «Немецкая мифология» Я. Гримма, совместное издание братьев Гриммов – «Словарь немецкого языка», работы Ф. Дица по романской компаративистике, сочинения А. Потта по этимологии индоевропейских языков, труды по истории языка А. Шлейхера и др.

Из славистической литературы Ф.И. Буслаев указал на работы П. Шафарика с его «Славянскими древностями» и «Славянским народописанием», «Сравнительную грамматику славянских языков» Ф. Миклошича, труды Й. Добровского, К. Калайдовича, А.Х. Востокова, В. Копитара, О.М. Бодянского, П.И. Кёппена, П.С. Билярского, словари и описания рукописей [4. Ч. I. С. XXXIII–XXXVII].

Отдельное место Ф.И. Буслаев уделил трудам по истории русского языка. Таких к середине XIX в. было создано совсем немного: им упомянуты имена М.Н. Каткова, Г.П. Павского, О.Н. Бётлингга, М.А. Максимовича, И.И. Срезневского, П.А. Лавровского, выпущенный к тому времени «Опыт областного великорусского словаря» (1852), «Известия ОРЯС» [Там же. С. XXXVII–XXXVIII]. Таков почти полный перечень историков языка того времени.

Библиографию дополнили труды по другим славянским наречиям П. Шафарика, В. Караджича, Й. Добровского, П.А. Бессонова, словари С. Линде, Й. Юнгмана и В. Караджича.

Небогатая, но фундаментальная литература по компаративистике – та основа, на которую во многом опирался Ф.И. Буслаев при написании «Опыта». При этом в своих взглядах он оставался верен Гриммовской школе, отдавая предпочтение этому удивительному романтику и певцу народного слова. Многие исследования, как можно заметить, вышли в первой

половине XIX в. и подготовили основание для развития исторических грамматик национальных языков. На этом закончилось господство логицизма в мировой лингвистической традиции, и на культурное пространство науки вышли новые идеи, выразителями которых стали поколения учеников Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, А.А. Потебни, составивших костяк московской, казанской, петербургской и харьковской лингвистических школ. А их девизом можно назвать известные слова Я. Гримма: «Наш язык – это также наша история» (цит. по изд.: [31. С. 50]).

«Опыт» Ф.И. Буслаева – выдающееся явление в филологической традиции своего времени. Это «*первая, истинно практическая грамматика, написанная по историко-сравнительному методу*», – замечал В. Водовозов, называя ее «настойною книгою» для преподавателей [12. С. 61]. По сути из учебного пособия у Ф.И. Буслаева получился экспериментальный научный труд. Новая источниковедческая база «Опыта» позволила ему значительно расширить возможности описания иллюстративного материала и привлечь его для анализа грамматического строя русского языка.

В первом издании книга названа скромно «Опыт...»¹⁷. И здесь Ф.И. Буслаев не стремился подавить читателя своими новаторскими взглядами и вообще был всегда осторожен в высказываниях, а лишь предлагал вместе с ним погрузиться в грамматический замок «элементов языка», собранных в стройную систему, и удивиться совершенству и соразмерности деталей этой «конструкции», которая прочно держится на памятниках русской истории и культуры. При том, что особенно большие нарекания со стороны ученой публики вызвала логическая сторона его книги, в целом буслаевский подход остается актуальным (например, структурно-семантический синтаксис) для синхронического описания и в наши дни. Но еще почетнее культурно-историческое, общественное влияние «Опыта». Д.Н. Ушаков писал: «Громадное значение она имела в педагогическом мире, послужив образцом и источником для учебников, и имя Буслаева в течение полувека становится высшим авторитетом в России по всем вопросам рус<ской> грамматики» [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. № 116].

«Опыт» Ф.И. Буслаева стал его последней крупной теоретической работой по истории языка. Больше к этим вопросам он уже не возвращался и увлекся проблемами изучения народной словесности, западноевропейской литературой, эстетикой, иконографией, но и позже старался последовательно проводить сравнительно-исторический принцип и придерживался тех высоких научных идеалов, которые каждый раз поднимали его исследования на новый уровень осмысления образа слова – в филологии, культурологии и искусстве.

Ф.И. Буслаев, конечно же, осознавал уязвимые места своей книги. Осуществить полноценное описание грамматической системы языка в историческом аспекте в то время было невозможно. Ф.И. Буслаев был первым, кто осмелился провести научный эксперимент и верил, что будущие поколения лингвистов доведут данный опыт до конца. Спустя семнадцать лет после издания его книги, 8 марта 1875 г., прочитав

первый том «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебни, Ф.И. Буслаев написал автору: «Исправляя мои ошибки, Вы только разъяснили мне то, что мне самому смутно мерещилось. Хотя я исходил от твердого намерения противопоставить грамматику против логики, но, делая уступки обычаю, сворачивал с прямого пути. Теперь по Вашим Запискам я окончательно убедился в тех принципах, которых нетвердо держался» [42. С. 530].

Ф.И. Буслаев был создателем «исторической науки о русском языке» [15. С. 7], стоял у ее основания, как метко выразился о нем А.А. Шахматов, и в своих исследованиях поднялся на высоту прогрессивного европейского ученого, совместил глубокое знание языков с идеями немецких философов и зарождавшимися традициями славяно-русской компаративистики, уважение к исторической памяти с четкой системой занятий. Он видел структуру языка, как мы сейчас бы сказали, в лингвокультурологическом, семасиологическом отношениях и рассматривал его элементы как факты *живой* духовной летописи предков. Этим трудом наряду с последовавшей затем «Исторической хрестоматией...» [26] Ф.И. Буслаев воздвиг памятник отечественной словесности: описал историческую судьбу языка в грамматической традиции нескольких эпох, обозначил подлинно научную концепцию компаративистики на русской почве и способствовал утверждению новых взглядов в идеологии гуманитарного образования России XIX в.

На актуальность идей Ф.И. Буслаева, как мы видели, указывали еще его современники. Ученые конца XIX – XX вв. тоже выделили имя «русского Данте» из плеяды выдающихся деятелей золотого века филологии. Один из основателей казанской лингвистической школы проф. В.А. Богородицкий считал, что учебное руководство по исторической грамматике Ф.И. Буслаева «в течение нескольких десятилетий оставалось *единственным* (здесь и далее курсив наш. – О.Н.) трудом, заключавшим в себе как факты литературного языка, так и исторические и диалектологические данные, а в области синтаксического изучения еще и до сих пор (мы цитируем по изданию 1935 г. – О.Н.) остается *незаменимым* пособием <...>» [43. С. 8].

Академик В.В. Виноградов подчеркивал, что «у Буслаева укрепились своеобразная романтико-историческая концепция развития языка» [44. С. 69], которую он «стремился сочетать с “логическими началами”» [Там же. С. 70]. Но лингвистические компромиссы Ф.И. Буслаева – это не просто дань моде или ошибка, а скорее особенность его лингвистического мировоззрения, сформировавшегося в эпоху борьбы универсалистов и компаративистов. Ученый был очень осторожен в своих выводах, следуя в целом за М.В. Ломоносовым и отвергая «условности» Н.И. Греча. Ф.И. Буслаев искал новый способ анализа системы языка. Его «эклектизм», о котором упомянул В.В. Виноградов [Там же], в первую очередь, свидетельствует о несовершенстве *лингвистической* методологии середины XIX в. В то же время «синтаксическая система Буслаева надолго определила основные приемы школьного построения и изучения синтаксиса русского языка» [Там же. С. 73], но теоретически – и

в этом мы должны согласиться с В.В. Виноградовым – была традиционна.

Во второй половине XX – начале XXI в. грамматический трактат Ф.И. Буслаева не раз обсуждался в монографиях и учебных пособиях [45, 46], вошел в хрестоматию по истории лингвистических учений как классический труд переходного периода в отечественной языковедческой традиции. В частности, В.В. Колесов писал о «развитии идеи историзма» у Ф.И. Буслаева [45. С. 135], об «аналитическом характере» его диахронических построений [Там же. С. 139] и «синкретическом мышлении» [Там же. С. 231]. В одной из первых антологий отмечалось, что «Ф.И. Буслаев, с одной стороны, создал развернутое, глубоко продуманное, основанное на огромном фактическом материале учение о русском языке, “защитив” это учение от схематизма построений беккеровского типа; с другой стороны, он не смог до конца преодолеть формально-логический подход к грамматическим явлениям» [47. С. 135]. Ф.М. Березин, посвятивший разбору идей русских грамматистов несколько книг [48–50], обоснованно полагал, что «понимание лингвистических взглядов Буслаева будет затруднительным вне того состояния европейского языкознания и исторического фона, на котором складывалась его общелингвистическая концепция» [50. С. 99]. По мнению Ф.М. Березина, взгляды Ф.И. Буслаева на «организм языка» как систему отдельных взаимосвязанных элементов [Там же. С. 100] – это шаг вперед по сравнению с предшествующим этапом. Согласимся с этим тезисом: Ф.И. Буслаев стремился создать структуру и методологию новой лингвистики, в которой анализ языковых процессов можно было бы представить в виде антиномии динамики и статики языка, что впоследствии и осуществил И.А. Бодуэн де Куртенэ.

Все это согласуется и с современными представлениями о системном эффекте идей Ф.И. Буслаева и их высокой функциональной нагрузке: его «Опыт», «спустя два столетия со дня рождения ее автора, обозначает идеальный предел изучающей историческую грамматику и язык в целом мыслительной модели» [51. С. 56], *системной*, подчеркивают авторы, а не логико-грамматической [Там же. С. 58], закрепленной «в идеологизированной советской науке» как «анти-историческая» [Там же]. Данное наблюдение современных лингвистов О.И. Валентиновой и М.А. Рыбакова нам представляется очень важным в контексте оценок научных идей Ф.И. Буслаева и дискуссий о роли «Опыта исторической грамматики русского языка» в формировании последующей научной традиции.

В заключение приведем еще две характеристики Федора Ивановича. А.А. Шахматов в речи о Ф.И. Буслаеве подметил редкое качество удивительной личности профессора-романтика: «Живое, полное любви и творческой силы отношение этого человека к знанию – вот что создало историческую науку о нашем языке» [15. С. 12]. Духовный облик ученого: его тонкий, глубокий, пылкий ум, высокое понима-

ние смысла филологии, исследовательский трепет к памятникам старины и искреннее сочувствие ко всему народному – к языку, необычному обороту речи, к рисунку наивного иконописца... – и есть портрет той научной школы, которая усилиями Ф.И. Буслаева сформировалась в России к середине XIX в.

Замечательный этнограф и историк литературы А.Н. Пыпин еще при жизни Ф.И. Буслаева, в 1891 г., нашел для него такие яркие слова: «Имя г. Буслаева уже теперь становится почетным историческим именем. <...> Редко деятельность ученого бывает в такой степени вся проникнута одним общим настроением, и редко это настроение бывает в такой степени одушевлено возвышенным идеализмом, в котором народолюбие подкрепляется благородными внушениями науки» [52. С. 75].

В нашей статье мы соотнесли грамматическое наследие Ф.И. Буслаева с общелингвистической философией его времени и показали, что влияние ученого на формирование основ национальной филологической традиции стало переломным событием в научной жизни того времени. По сути, он совершил переворот в культурном сознании современников, воздействуя на них самым действенным способом – словом. Онтология его идей, основанная на высоких идеалах народности, живом интересе к историческим фактам, неутомимая работа по внедрению принципов компаративистики в теорию и практику научного знания привели к созданию нескольких самостоятельных направлений филологической мысли России XIX в.: сравнительного языкознания и литературоведения, исторической грамматики, лингвофольклористики (хотя этот термин тогда не использовался), палеославистики, этнологии языка и диалектологии. «Опыт» Ф.И. Буслаева, если оценивать его с позиции традиционности и новаторства идей, как мы показали, сразу же оказался на перекрестке научных сражений XIX в. Это были не только «культурные взрывы» – приходили осознание системности лингвистики и поиска более совершенной методологии анализа ее структурных единиц. Значит, формировался новый научный стиль, взростала самостоятельная языковедческая школа. Ученики Ф.И. Буслаева в конце XIX в. обосновали правильность его выбора и утвердили принципы компаративистики во всех направлениях гуманитарной мысли.

«Опыт» Ф.И. Буслаева превратился в целое культурное движение, которое было подхвачено его сторонниками и учениками – В.О. Ключевским, А.Н. Веселовским, Н.С. Тихонравовым, Н.П. Кондаковым, А.И. Кирпичниковым, Ф.Ф. Фортунатовым, В.Ф. Миллером, А.А. Шахматовым, А.И. Соболевским, М.Н. Сперанским, представителями иных взглядов – В.А. Богородицким, А.М. Пешковским, В.В. Виноградовым, другими замечательными филологами, историками и искусствоведами, создававшими славу подлинной русской науке, у основания которой стоял Федор Иванович Буслаев.

СОКРАЩЕНИЯ

Архив РАН – Архив Российской академии наук (Москва).

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По этому поводу современный исследователь О.А. Волошина заметила, что Ф.И. Буслаев, специально не занимаясь проблемой происхождения языков, сформулировал принципы научного этимологического анализа и исследовал причины появления поверхностных соответствий в словах, опираясь на опыт классиков-компаративистов (см. подробнее: [7. С. 94–99]).

² Имя К.С. Аксакова звучало и в отзывах на книгу Ф.И. Буслаева. Так, автор рецензии в «Отечественных записках» сокрушался по поводу «русификации старинных французских и немецких теорий» в этом сочинении К.С. Аксакова: «Ни посвящение г. Хомякову, ни возвышенное стремление к грамматической национальности не спасли автора от соблазна и, желая быть слишком русским, он сам того не замечая, попал в заповедные рощи *французского* старинного кодекса» [10. С. 26].

³ Показательно наблюдение методиста XIX в. В. Водовозова. В рецензии на «Опыт» он дал обзор «практических грамматик», выпущенных до Ф.И. Буслаева, упомянув и об учебнике Н.И. Греча: «Неизвестно, по самому ли свойству учебника или уж по недостатку педагогических начал в преподавании, грамматика эта была, еще на нашей памяти, неиссякаемым источником страданий для учащихся» [12. С. 43].

⁴ Эту ситуацию внутри лингвистического сообщества понимали и коллеги Ф.И. Буслаева. Один из рецензентов «Опыта» Ф.И. Буслаева сопроводил свой очерк кратким обзором истории языкознания, в котором так оценил труд Г.П. Павского: «Вообще “Филологические наблюдения” Павского <...> объясняются переходным состоянием от теорий Шишкова и других к ясному взгляду на язык, основанному Вильгельмом Гумбольдтом, Боппом, Гриммом. Оттого они остались одиноким явлением в науке <...>» [10. С. 19].

⁵ Так, в «Предисловии к первому изданию» «Общесравнительной грамматики русского языка» И.И. Давыдов размышлял почти в стиле философских работ Гумбольдта: «Язык живого народа есть своеобразное развитие общего всем людям дара слова, беспрестанно продолжающееся. Это развитие крепнет в сознанных и определенных формах, совершается правильно, когда народ привел все умственное сокровище в органическое целое... Не изобретать язык, а прислушиваться к языку живому, следить за самобытными писателями, и все богатство народного языка вносить в словарь, все изгибы народной речи вписывать в грамматику – *хранить и утверждать язык* – вот обязанность современной филологии» [13. С. I–II]. Не правда ли, необычное высказывание для апологета логико-грамматического направления в языкознании?

⁶ Ср. высказывание рецензента из «Отечественных записок»: «...собственно русская грамматика, можно сказать положительно, только в «Опыте» г. Буслаева воспользовалась в первый раз как следует церковно-славянским языком и открытиями Востокова» [10. С. 16].

⁷ В предисловии к книге П.М. Перевлесского писал: «Изучение славянского языка по праву входит у нас в круг преподаваемых в учебных заведениях предметов как необходимое пособие с одной стороны для лингвистических исследований, с другой – для легчайшего уразумения священного писания и произведений древней нашей литературы» [19. С. 3]. Но это были уже 1860-е гг., когда научная постановка проблем компаративистики в Европе достигла расцвета, а у нас только вставала на прочный фундамент.

⁸ В это время появляются первые компаративистские труды по индологии Г.С. Лебедева, по славистике – А.Х. Востокова (1820) «Рассуждение о славянском языке...» (см. изд.: [1]), затем исследования М.А. Максимовича «История древней русской словесности» [2], первые труды И.И. Срезневского, диссертации М.Н. Каткова «Об элементах и формах славяно-русского языка» [3] и Ф.И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык» [20]. Возникают новые кафедры в университетах. Начинается систематическое преподавание славянских языков в России. Вспомним начало актовой «Речи» И.И. Срезневского в 1849 г.: «Она есть, эта русская наука. На нее, как на частную долю науки общечеловеческой, имеет русский народ право столь же исключительное, как и каждый другой народ, сочувствующий успехам науки...» (цит. по: [21. С. 16]). Это направление, о котором так вдохновенно говорил И.И. Срезневский, и называлось история русского и славянских языков. Философская традиция обучения на словесных отделениях университетов тонко подмечена автором рецензии М. де Пуле, писавшем в «Современнике» в 1859 г.: «Подле нас, особенно в Германии, в том же деле кипела самая плодотворная работа, а мы сидели сложа руки и просто душно верили, что знать Греча и Кошанского, Павского и Ив. Давыдова – значит знать отечественный язык. Реакция против ложного направления в деле изучения отечественного языка началась с открытием в университетах чтений о славянских наречиях» [5. С. 238].

⁹ Примерно в это же время полемика между традиционалистами и компаративистами происходила в печати: Ф.И. Буслаев и А.Д. Галахов откликнулись на заметку Н.И. Греча о преподавании русского языка статьей в «Отечественных записках» в 1856 г. (см. библиографию: [25. С. 77]). К. Полевой опубликовал в ответ серию работ в «Северной пчеле», собрав их затем в книжку под заголовком «Споры о грамматике и языке» [27], в которой так излагал суть их разногласий: «...а как г. Греч составил грамматику русского языка по образцу французской, то его труды должно придать забвению и заменить их грамматикой, которую гг. Буслаев и Галахов собираются (так в тексте. – О.Н.) извлечь из научных оснований и сделать из нее науку, где будут указаны *непреложные законы* языка, взятые из народного говора, из старинного языка, из прозы и стихов безразлично и из стихов Крылова преимущественно, потому что Крылов хорошо выражает русскую народность» [Там же. С. 24]. Отголоски полемики прозвучали и на диспуте по обсуждению «Опыта».

¹⁰ Интересны в этом отношении наблюдения А.Т. Хроленко над «самородным словом» Ф.И. Буслаева как своеобразным этнокультурным признаком, который лег впоследствии в основу новой науки – лингвофольклористики [32].

¹¹ Ср.: в рецензии на книгу И.И. Срезневского «Мысли об истории языка» Ф.И. Буслаев сочувственно писал, что «изучить русский язык нельзя мимо славянских наречий, и славянские наречия мимо прочих языков индоевропейских. Язык русский только в связи с прочими славянскими наречиями, только как член целого состава языка славянского входит в состав сравнительной грамматики индоевропейских племен. Такая-то сравнительная грамматика языка русского и объяснит нам доисторическое его образование» [33. С. 34].

¹² Еще до Ф.И. Буслаева М.Н. Катков [3] и ранее М.А. Максимович подробно говорили о церковнославянском языке. Вторая работа содержала также филологические наблюдения в духе философии компаративистики, например: «Язык образуется и живет вместе с народом» [2. С. 143]. Может быть, в силу этих причин подробно в своей книге Ф.И. Буслаев не разбирал данный вопрос.

¹³ Ср. высказывание В. Водовозова в рецензии на «Опыт»: «...даже Гоголь не включен им в историю языка. Мы не знаем причины такого ограничения, но в настоящее время нам как-то странно верить исключительному авторитету Фонвизина, Дмитриева, Батюшкова в употреблении разных союзов и частиц...» [12. С. 47].

¹⁴ И в эту часть Ф.И. Буслаев внес новшество, включив рассмотрение эпитетов, метафор и других тропов, что, безусловно, расширило синтаксическое поле исторической грамматики и обогатило ее интересными примерами и стилистическими наблюдениями. Вот как, например, оценивал эту деталь В. Водовозов: «В синтаксисе статьи об эпитетах и метафорах также занимательны. Автор сравнивает эпитеты, употребляемые в наших древних памятниках, с чешскими, приводит большой список наших областных метафор, напр. *скокуха*, *лягушка*; *бучало*, *водоворот*, *бучень*, *шмель*...; *махало*, *крыло* (курсив наш. – О.Н.), – и подробно излагает, сравнительно с другими языками, поэтические предания народа, участвовавшие в образовании рода. Так[,] с грамматическим родом *кукушки* согласуется предание о превращении девушки-сироты в эту птицу (растение *кукушкина слезы*)...» [12. С. 61].

¹⁵ Ср. его же высказывание: «Мы и не думаем, чтобы г-н Буслаев считал обязательною свою систему исторической грамматики, а полагаем, что, написав в заглавии книги «Пособие для преподавателей», он хотел только указать *научное ее значение*, определяя вместе метод и гра-

ницы науки» [12. С. 50]. Он же: «...на руководство г-на Буслаева нельзя смотреть только как на справочную книгу...: при ней нет ни указателя объяснительных слов, ни подробного оглавления, которое облегчило бы в отыскивании форм» [12. С. 52].

¹⁶ А.Н. Майков, один из воинствующих критиков Ф.И. Буслаева, в конце своей рецензии назвал «Опыт» «сколком с грамматики Гримма» [34. С. 68]. На самом деле научная школа Я. Гримма оказала сильное влияние на Ф.И. Буслаева. В.Н. Щепкин даже говорил о «духовной связи» между знаменитым немцем и «его русским последователем» [40. С. 109]. Он цитировал Ф.И. Буслаева, который объяснял, почему «взял Гримма в руководители» – потому что «почитает его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки[,] и для жизни» [Там же. С. 110]. И далее замечал: «Связь работ Буслаева с направлением германского ученого не была однако простым подражанием, она имела более глубокую причину: для нашего общественного образования пришла тогда пора переживать то настроение, которое выразилось в деятельности научно-романтической школы Гримма» [Там же]. См. также обзор идей в статье К. Войнаховского «Значение трудов Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке» [30].

¹⁷ Ср. высказывание рецензента книги Ф.И. Буслаева А.Н. Майкова: «Другие из скромности называют труд свой, иногда безукоризненно прекрасный, опытом; здесь же слово “опыт” стоит в самом прямом значении и так уместно, что не мешает нам желать, чтобы за этим неудавшимся опытом кто-либо другой представил нам и другой опыт исторической грамматики русского языка, но только более удовлетворительный и полезный. С “Опытом” же г. Буслаева дело изучения отечественного языка не может продвинуться вперед» [34. С. 68]. Схожую по тональности рецензию опубликовал в «Северной пчеле» К. Полевой [41. № 206, 207].

ЛИТЕРАТУРА

1. Востоков А. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам // Срезневский И. Филологические наблюдения А.Х. Востокова. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1865. С. 1–27.
2. Максимович М. История древней русской словесности / Сочинение М. Максимовича. Киев : Унив. тип., 1839. Книга первая. 226 с.
3. Катков М. Об элементах и формах славяно-русского языка : Рассуждение, написанное на степень магистра кандидатом М. Катковым. М. : Унив. тип., 1845. 256 с.
4. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка : учеб. пособие для преподавателей. М. : Унив. тип., 1858. Ч. I. Этимология. 244 с.; Ч. II. Синтаксис. 428 с.
5. де Пуле М. [Рец.] Об историческом изучении русского языка (Опыт исторической грамматики русского языка... Москва, 1858) // Современник. 1859. Т. 76, № 8 [август]. С. 237–254.
6. Буслаев Ф.И. [Рец.] Спряжение русских слов с санскритскими г. Хомякова // Отечественные записки. 1855. Т. 102, № 9 [сентябрь]. С. 36–57.
7. Волошина О.А. «Система этимологии» Ф.И. Буслаева, или О сравнении русских слов с санскритскими // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 94–99.
8. Буслаев Ф.И. [Рец.] Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского, изд. 2. СПб., 1850 // Отечественные записки. 1852. Т. 81, № 4 [апрель]. С. 49–76; т. 82, № 5 [май]. С. 21–48.
9. Буслаев Ф.И. [Рец.] О русских глаголах, Константина Аксакова // Отечественные записки. 1855. Т. 101, № 8 [август]. С. 23–46.
10. С-т Эк. Опыт исторической грамматики русского языка, состав. Ф. Буслаевым. Две части. Москва, 1858 (Статья вторая) // Отечественные записки. 1859. Т. 126, № 9. С. 1–26.
11. Буслаев Ф.И. [Рец.] Практическая грамматика русского языка, изданная Н. Гречем. СПб., 1827 // Отечественные записки. 1856. Т. 109, № 12 [декабрь]. С. 338–339.
12. Водовозов В. [Рец.] Опыт исторической грамматики русского языка... Составлено... Ф. Буслаевым. Москва, в университетской типографии. 1858... // Русское слово. 1859. № 5. С. 42–62.
13. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. Издание второе. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1853. 497 с.
14. Греч Н. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Второе изд., испр. СПб. : В типографии издателя, 1834. 526 с.
15. Шахматов А.А. Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского... СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1898. С. 7–16.
16. Никитин О.В. Лингвистические взгляды Н. И. Греча в контексте филологической традиции его времени (К 230-летию со дня рождения ученого) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76, № 6. С. 61–71.
17. Перевлесский П. Практический синтаксис сложного предложения и стихосложение, составленные Петром Перевлесским, старшим учителем Ярославской гимназии. М. : Тип. Лазаревых инстит. вост. яз., 1842. 236 с.
18. Перевлесский П. Грамматика старославянского языка, изданная Петром Перевлесским. СПб. : Тип. Акад. наук, 1852. 64 с.
19. Перевлесский П. Славянская грамматика с изборником. Издание пятое. СПб. : В тип. Т-ва «Общественная польза», 1866. 134 с.
20. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. М. : Унив. тип., 1848. 211 с.
21. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. 136 с.
22. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / Соч^{инение} Федора Буслаева. М. : Унив. тип., 1844. Ч. 1. 335 с.; Ч. 2. 375 с.
23. Никитин О.В. Фёдор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) // Русская речь. 2018. № 3. С. 48–56.
24. Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79–86.
25. Смирнов С.В. Ф.И. Буслаев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 96 с.
26. Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков... М. : Унив. тип., 1861. 1632 стб.
27. Буслаев Ф.И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. М. : Русская книга, 2003. 608 с.
28. Никитин О.В. «Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 82–88.
29. Полевой К. Споры о грамматике и языке. СПб. : В типографии Н. Греча, 1857. 78 с.
30. Войнаховский К. Значение трудов академика Ф.И. Буслаева в истории науки о русском языке // Памяти Федора Ивановича Буслаева. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1898. С. 61–116.
31. Шулежкова С.Г. История лингвистических учений : учеб. пособие для студ. филол. фак-ов. М. : Флинта: Наука, 2004. 400 с.
32. Хроленко А.Т. Самородное слово в филологической концепции Ф.И. Буслаева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 4 (173). С. 89–93.
33. Буслаев Ф.И. [Рец.] Мысли об истории русского языка. И. Срезневского. Санкт-Петербург, 1850 // Отечественные записки. 1850. Т. 72, № 10 [октябрь]. С. 31–58.
34. Майков А. Опыт исторической грамматики русского языка. Соч. Ф. Буслаева... (окончание) // Библиотека для чтения. 1859. Т. 157, № 12 [декабрь]. С. 1–68.
35. Соловьева И.В. Классика русистики под огнем критики современников (Грамматика Ф.И. Буслаева в рецензиях 50–60-х гг. XIX века) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 12. С. 176–181.
36. Майков А. Опыт исторической грамматики русского языка. Соч^{инение} Ф. Буслаева... Статья первая // Библиотека для чтения. 1859. Т. 157, № 10 [октябрь]. С. 1–48.

37. Аксаков К.С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 224 с.
38. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка : учеб. для студентов... 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1990. 400 с.
39. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Философские основания «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 104–110.
40. Щепкин В. Федор Иванович Буслаев (1818–1897) // Этнографическое обозрение. 1897. Кн. XXXV, № 4. С. 99–111.
41. Полевой К. [Рец.] Опыт исторической грамматики русского языка... Составлено Ф. Буслаевым. Москва, 1858... // Северная пчела. 1859. № 206, 207.
42. Франчук В.Ю. К столетию «Из записок по русской грамматике» А.А. Потебни (1874–1974) // Известия Отделения литературы и языка АН СССР. 1974. Т. 33, № 6. С. 527–535.
43. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). 5-е изд., перераб. М.; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 356 с.
44. Виноградов В.В. История лингвистических учений : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов / сост. Ю.А. Бельчиков. М. : Высш. шк., 1978. 367 с.
45. Колесов В.В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 472 с.
46. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка : учеб. пособие / под ред. В.Д. Бондалетова. М. : Флинта: Наука, 2004. 512 с.
47. Щеулин В.В., Медведева В.И. Хрестоматия по истории грамматических учений в России. М. : Высш. шк., 1965. 356 с.
48. Березин Ф.М. История лингвистических учений : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М. : Высш. шк., 1975. 304 с.
49. Березин Ф.М. История русского языкознания : учеб. пособие для филол. специальностей. М. : Высш. шк., 1979. 223 с.
50. Березин Ф.М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М. : Высш. шк., 1973. 504 с.
51. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Системная филология Фёдора Ивановича Буслаева // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 3. С. 56–59.
52. Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. Т. 2. 428 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 ноября 2018 г.

The Experience of Historical Grammar of the Russian Language by F.I. Buslaev in the Linguistic Tradition of His Time (To the 200th Anniversary of the Scholar)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 44–56.

DOI: 10.17223/15617793/439/6

Oleg V. Nikitin, Moscow Region State University (Mytishchi, Russian Federation). E-mail: olnikitin@yandex.ru

Keywords: history and methodology of linguistics; philological tradition; formation of comparative studies in Russia; philosophy of language; historical grammar.

The article deals with the first work on the historical grammar of the Russian language (1858) published by F.I. Buslaev (1818–1897) during the struggle of two directions in the domestic linguistics: philosophical (logical-grammatical) and comparative-historical. The author emphasizes the relationship of ideas by Buslaev with Western linguistic thought, tells about the influence of classical comparative scholars W. von Humboldt, J. Grimm on the formation of a new research approach of studying language in Russia. Attention is drawn to the fact that Buslaev adopted the ideas of Russian philologists A.Kh. Vostokov, I.I. Davydov, G.P. Pavsky, I.I. Sreznevsky and other famous scholars representing different parties in linguistics at that time. Special attention is paid to the scholarly debate with Buslaev's opponents and assessment of their views in line with the national linguistic tradition. The article presents and comments on the reviews of contemporaries on *The Experience of Historical Grammar of the Russian Language*, which caused an ambiguous reaction in the academic environment and revealed the main problems of the Russian linguistics of that time: the search for the methodology of the new historical-linguistic science, the definition of the boundaries of research and the principles of analysis of the facts of the language, the approval of the theoretical foundation and priorities of historical grammar, the general need for the development of Slavic philology as a science. Rare documentary evidence and archival materials of polemic nature related to the creation of Buslaev's textbook, and linguistic discussions of the mid-19th century are presented. It is noted that *The Experience* had a strong influence on the formation of a new tradition of studying the history of the literary language and became a reference point for generations of Russian comparative scholars. The analysis of Buslaev's study is included in the context of the general philological tradition of his time. The review of scientific events also assesses the contribution of the creator of the "historical science of the Russian language" (A.A. Shakhmatov) to the development of the comparative historical method by the major figures of Russian linguistics of the turn of the 20th century. The importance of studying the forgotten facts in the history of linguistics to create an objective picture of the activities of scientific schools in Russia in the 19th century is stated. It is concluded that, largely due to Buslaev's activity, comparative studies in Russia became one of the tools of philological education and of familiarizing students with the origins of the cultural and linguistic tradition. Thus, the problem of popularization of Russian linguists' achievements and actualization of their ideas in the modern educational space is solved.

REFERENCES

1. Vostokov, A. (1865) *Rassuzhdenie o slavyanskom yazyke, sluzhashchee vvedeniem k grammatike sego yazyka, sostavlyayemoy po drevneyshim onogo pismennym pamyatnikam* [The reflection on the Slavic language, which serves as an introduction to the grammar of this language compiled by the oldest of its written monuments]. In: Sreznevskiy, I. *Filologicheskie nablyudeniya A.Kh. Vostokova* [Philological observations by A.Kh. Vostokov]. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
2. Maksimovich, M. (1839) *Istoriya drevnei russkoy slovesnosti* [History of Old Russian literature]. Book 1. Kiev: Univ. tip.
3. Katkov, M. (1845) *Ob elementakh i formakh slavyano-russkogo yazyka: Rassuzhdenie, napisannoe na stepen' magistra kandidatom M. Katkovym* [On the elements and forms of the Slavonic-Russian language: The Reasoning written for the master's degree by candidate M. Katkov]. Moscow: Univ. tip.
4. Buslaev, F.I. (1858) *Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka. Uchebnoye posobie dlya prepodavateley* [The Experience of Historical Grammar of the Russian language. Study guide for teachers]. Moscow: Univ. tip.
5. De Pule, M. (1859) *Ob istoricheskom izuchenii russkogo yazyka (Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka... Moskva, 1858)* [On the historical study of the Russian language (The Experience of Historical Grammar of the Russian Language... Moscow, 1858)]. *Sovremennik*. 76 (8). pp. 237–254.

6. Buslaev, F.I. (1855) [Rets.] Spryazhenie russkikh glagolov s sanskritskimi g. Khomyakova [[Review] Conjugation of Russian Verbs with Sanskrit Ones by Mr. Khomyakov]. *Otechestvennye zapiski*. 102 (9). pp. 36–57.
7. Voloshina, O.A. (2018) “A System of Etymology” by F.I. Buslaev or On the Comparison of Russian Words with Sanskrit. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 4 (173). pp. 94–99. (In Russian). DOI: 10.15393/uchz.art.2018.156
8. Buslaev, F.I. (1852) [Rets.] Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazyka protoiereya G. Pavskogo, izd. 2. SPb., 1850 [[Review] Philological observations on the composition of the Russian language by Archpriest G. Pavsky]. *Otechestvennye zapiski*. 81 (4). pp. 49–76; 82 (5). pp. 21–48.
9. Buslaev, F.I. (1855) [Rets.] O russkikh glagolakh, Konstantina Aksakova [[Review] On Russian Verbs by Konstantin Aksakov]. *Otechestvennye zapiski*. 101 (8). pp. 23–46.
10. S-t, Ek. (1859) Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka, sostav. F. Buslaevym. Dve chasti. Moskva, 1858 (Stat'ya vtoraya) [The Experience of Historical Grammar of the Russian Language, compiled by F. Buslaev. Two parts. Moscow, 1858 (Article Two)]. *Otechestvennye zapiski*. 126 (9). pp. 1–26.
11. Buslaev, F.I. (1856) [Rets.] Prakticheskaya grammatika russkogo yazyka, izdannaya N. Grechem [[Review] Practical grammar of the Russian language, published by N. Grech]. *Otechestvennye zapiski*. 109 (12). pp. 338–339.
12. Vodovozov, V. (1859) Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka.... Sostavleno... F. Buslaevym. Moskva, v universitetskoy tipografii. 1858... [The Experience of Historical Grammar of the Russian Language, compiled by F. Buslaev. Moscow, Univ. Press. 1858]. *Russkoe slovo*. 5. pp. 42–62.
13. Davydov, I.I. (1853) *Opyt obshchey sravnitel'noy grammatiki russkogo yazyka, izdannyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [Experience of general comparative Russian grammar published by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences]. 2nd ed. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
14. Grech, N. (1834) *Prakticheskaya russkaya grammatika, izdannaya Nikolaem Grechem*. [Practical Russian grammar, published by Nikolay Grech]. 2nd ed., revised. St. Petersburg: V tipografii izdatel'ya.
15. Shakhmatov, A.A. (1898) Buslaev kak osnovatel' istoricheskogo izucheniya russkogo yazyka [Buslaev as the founder of the historical study of the Russian language]. In: *Chetyre rechi o F.I. Buslaeve, chitannyye v zasedanii Otdela Komenskogo* [Four speeches about F.I. Buslaev, read in the meeting of the Department of Komenskiy]. St. Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk.
16. Nikitin, O.V. (2017) Linguistic Views of Nikolaj I. Grech in the Context of the Philological Tradition of His Time (On the 230th Anniversary of the Birth of the Scholar). *Izvestiya RAN. Seriya literaturny i yazyka – Proceedings of RAS. Studies in Literature and Language*. 76 (6). pp. 61–71.
17. Perevlesskiy, P. (1842) *Prakticheskii kurs slozhnogo predlozheniya i stikhoslozhenie, sostavlenyye Petrom Perevlesskim, starshim uchitelem Yaroslavskoy gimnazii* [Practical syntax of complex sentence and verse composed by Pyotr Perevlessky, senior teacher of Yaroslavl gymnasium]. Moscow: Tip. Lazarevskikh instit. vost. yaz.
18. Perevlesskiy, P. (1852) *Grammatika staroslavianskogo yazyka, izdannaya Petrom Perevlesskim* [Old Slavic grammar, published by Pyotr Perevlesskiy]. St. Petersburg: Tip Akad. nauk.
19. Perevlesskiy, P. (1866) *Slavyanskaya grammatika s izbornikom* [Slavic grammar with textbook]. 5th ed. St. Petersburg: V tip. T-va “Obshchestvennaya pol'za”.
20. Buslaev, F.I. (1848) *O vliyaniyu khristianstva na slavyanskiy yazyk: Opyt istorii yazyka po Ostromirovu Evangeliiu, napisannyy na stepen' magistra kandidatom F. Buslaevym* [On the influence of Christianity on the Slavic language: The experience of the history of language by The Ostro-mir Gospel, written for the Master's degree by candidate F. Buslaev]. Moscow: Univ. tip.
21. Sreznevskiy, I.I. (1959) *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the history of the Russian language]. Moscow: Gos. uch-ped. izd-vo Min-va prosveshcheniya RSFSR.
22. Buslaev, F.I. (1844) *O prepodavanii otechestvennogo yazyka. Soch. Fedora Buslaeva* [On the teaching of the national language. A study by Fedor Buslaev]. Moscow: Univ. tip.
23. Nikitin, O.V. (2018) Fedor Ivanovich Buslaev i yazyk Otechestva (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Fedor Ivanovich Buslaev and mother tongue (To the 200th anniversary of his birth)]. *Russkaya rech – Russian*. 3. pp. 48–56. DOI: 10.7868/S0131611718030085
24. Nikitin, O.V. (2018) “Philology of Spirit”. Fedor Ivanovich Buslaev as Linguistic Persona (For 200th Anniversary of the Birth). *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*. 5. pp. 79–86. (In Russian). DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-5-79-86
25. Smirnov, S.V. (1978) *F.I. Buslaev* [F.I. Buslaev]. Moscow: Moscow State University.
26. Buslaev, F.I. (1861) *Istoricheskaya khresomatiya tserkovno-slavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* [Historical anthology of Church Slavonic and Old Russian languages]. Moscow: Univ. tip.
27. Buslaev, F.I. (2003) *Moi dosugi. Vospominaniya. Stat'i. Razmyshleniya*. [My pastime. Reminiscences. Articles. Thoughts]. Moscow: Russkaya kniga.
28. Nikitin, O.V. (2018) “Historical anthology of Church Slavonic and Old Russian languages” by F.I. Buslaev as a monument of philological culture of the 19th century. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 4 (173). pp. 82–88. (In Russian).
29. Polevoy, K. (1857) *Spory o grammatike i yazyke* [Discussions on grammar and language]. St. Petersburg: V tipografii N. Grecha.
30. Voynakhovskiy, K. (1898) Znachenie trudov akademika F.I. Buslaeva v istorii nauki o russkom yazyke [The value of academician F.I. Buslaev's works in the history of Russian language science]. In: *Pamyati Fedora Ivanovicha Buslaeva* [In memory of Fedor Ivanovich Buslaev]. Moscow: Tip. I.D. Sytina.
31. Shulezhkova, S.G. (2004) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov* [The History of linguistic doctrines. Textbook for students of philological faculties]. Moscow: Flinta, Nauka.
32. Khrolenko, A.T. (2018) The native word in philological conception of F.I. Buslaev. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*. 4 (173). pp. 89–93. (In Russian).
33. Buslaev, F.I. (1850) [Rets.] Mysli ob istorii russkogo yazyka I. Sreznevskogo. Sankt-Peterburg, 1850 (rec.) [[Review] Thoughts on the history of the Russian language by I. Sreznevskiy. St. Petersburg, 1850]. *Otechestvennye zapiski*. 72 (10). pp. 31–58.
34. Maikov, A. (1859) Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka. Soch. F. Buslaeva... (okonchanie) [The Experience of Historical Grammar of the Russian Language. A work by Fedor Buslaev. The final part]. *Biblioteka dlya chteniya*. 157 (12). pp. 1–68.
35. Solov'eva, I.V. (2009) Klassika rusistiki pod ognym kritiki sovremennikov (Grammatika F.I. Buslaeva v retsenziyah 50-60-h gg. XIX veka) [Classics of Russian studies under the fire of criticism of contemporaries (The Grammar by F.I. Buslaev in reviews of the 1850s–1860s)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12. pp. 176–181.
36. Maikov, A. (1859) Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka. Soch. F. Buslaeva... Stat'ya pervaya [The Experience of Historical Grammar of the Russian Language. A work by Fedor Buslaev. Article One]. *Biblioteka dlya chteniya*. 157 (10). pp. 1–48.
37. Aksakov, K.S. (2011) *Kriticheskii razbor “Opyta istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka”* [Critical analysis of “The Experience of Historical Grammar of the Russian Language” by F. I. Buslaev]. Moscow: “Librokom”.
38. Ivanov, V.V. (1990) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Ucheb. posobie dlya studentov*. [Historical grammar of Russian. Textbook for students]. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie.

39. Novikov, M.V. & Perfilova, T.B. (2017) Filosofskie osnovaniya "Opyta istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka" F.I. Buslaeva [Philosophical grounds of "The Experience of Historical grammar of the Russian language" by F.I. Buslaev]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1. pp. 104–110.
40. Shchepkin, V. (1897) Fedor Ivanovich Buslaev (1818–1897) [Fedor Ivanovich Buslaev (1818–1897)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. XXXV (4). pp. 99–111.
41. Polevoy, K. (1859) [Rets.] Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka... Sostavleno F. Buslaevym. Moskva, 1858... [[Review] The Experience of Historical Grammar of the Russian Language. Compiled by F. Buslaev. Moscow, 1858]. *Severnaya pchela*. 206, 207.
42. Franchuk, V.Yu. (1974) K stoletiyu "Iz zapisok po russkoy grammatike" A.A. Potebni (1874–1974) [To the centenary of "The Notes on the Russian Grammar" by A.A. Potebnya (1874–1974)]. *Izvestiya Otdeleniya literatury i yazyka AN SSSR*. 33 (6). pp. 527–535.
43. Bogoroditskiy, V.A. (1935) *Obshchiy kurs russkoy grammatiki (iz universitetskikh lektsiy)* [General study on Russian grammar (from university lectures)]. 5th ed. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo.
44. Vinogradov, V.V. (1978) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [The history of linguistic doctrines]. Moscow: Vysshaya shkola.
45. Kolesov, V.V. (2003) *Istoriya russkogo yazykoznanija: Ocherki i etudy* [The History of Russian linguistics. Essays and studies]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
46. Khrolenko, A.T. & Bondaleto, V.D. (2004) *Teoriya yazyka* [The theory of language]. Moscow: Flinta: Nauka.
47. Shchulin, V.V. & Medvedeva, V.I. (1965) *Khrestomatiya po istorii grammaticheskikh ucheniy v Rossii* [Anthology on the history of grammatical studies in Russia]. Moscow: Vysshaya shkola.
48. Berezin, F.M. (1975) *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [The History of linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
49. Berezin, F.M. (1979) *Istoriya russkogo yazykoznanija* [The History of Russian linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
50. Berezin, F.M. (1973) *Khrestomatiya po istorii russkogo yazykoznanija* [Anthology on the history of Russian linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola.
51. Valentinova, O.I. & Rybakov, M.A. (2018) Fedor I. Buslaev's System Philology. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*. 3. pp. 56–59. (In Russian).
52. Pypin, A.N. (1891) *Istoriya russkoy etnografii* [History of Russian ethnography]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.

Received: 10 November 2018